

Тая Ларина

# Дети дикого ангела

16+

# Тая Ларина

## Дети дикого ангела

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66107584](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66107584)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

Современная поэзия. Вторая книга автора. В 2009 году Андрей Вознесенский выдвинул автора на премию “Триумф”. Автор обещал оправдать аванс и до сих пор старается. С виду получается мраченько-ироничный гимн инфантилизму с отсылками к мифологии, психологии и прочей литературке. Форма вполне классическая. Верлибров нет. Рифмы есть. Любителям “красивых душевных стихов” не сюда.

# Тая Ларина

## Дети дикого ангела

\*\*\*

Десять лет назад нам было по двадцать лет.  
Двадцать лет назад нам было по десять лет,  
Тридцать лет назад нас не было на Земле.  
Да и хрен бы с нами.  
Кто-то вышел в космос, кто-то пошёл в балет,  
Кто-то пьёт винишко, кутаясь в тёплый плед.  
Оставляет каждый свой углеродный след,  
Черепашки-ниндзя и мишки Гамми.  
Чип и Дейл спешат на помощь который год.  
Каждый год мы дружно празднуем Новый год.  
И подумать страшно, сколько теперь всего  
Не расскажешь маме.

### АРМАГЕДДОН

Армагеддон назначен на четверг.  
Соседи запасаются попкорном.  
Мир замер в ожидании покорном,  
И свет над миром медленно померк.  
3D-картинка чересчур близка,  
В слезах сидят поклонники ванили.  
Ввели войска и вывели войска,

Ввели режим ЧС и отменили.

К нам приходила смерть с косою клюкой,  
К нам приходила жизнь с одной гребёнкой,  
А мы всё не могли понять: «На кой?»  
И каждый себя чувствовал ребёнком,  
Попавшим на дурацкое кино.  
Вот нас вербуют силы Тьмы и Света.  
И выбор сделать невозможно, но  
Они стоят и требуют ответа.  
Вот вспыхнули ближайšie кусты  
И раздаётся в пламени небесном:  
«Сражаться в этой битве будешь ты.  
А мы посмотрим, будет интересно».

\*\*\*

Грету Тунберг раньше звали Саманта Смит,  
У неё была замечательная идея.  
В каждом ребёнке что-то такое спит,  
Отчего он с годами старится и седеет.  
Прорастает одиночество изнутри,  
Стрелка щёлкает: десять, пятнадцать, двадцать.  
Но пока они любят тебя и верят тебе, смотри.  
Это значит, пока ещё незачем их бояться.  
У Саманты всё получилось, и вместе с ней  
Мир поверил в силу мира, труда и мая.  
А у Греты Тунберг задание посложней,

И она сама его толком не понимает.  
Если ты ненавидишь мир, как его спасти?  
В прошлой жизни кончилась вера в добро и чудо,  
А тебе повторяют: «Главное не расти»,  
Ожидая покорного: «Я поняла. Не буду.  
Из детей вырастают чудовища вроде вас».  
Проступившая лёгким контуром карандашным,  
Кем она вернётся к нам в третий раз?  
Даже думать страшно.

\*\*\*

Мы живём в столице ада,  
Так нам в общем-то и надо.  
На последнем круге МКАДа  
Строим новый микрорай.  
Ну и что что мы не люди,  
Если мы стараться будем,  
Ожидает нас награда –  
Что захочешь выбирай:  
Хочешь – сердце, хочешь – душу,  
Хочешь – никого не слушай,  
Попросись обратно в Гамельн,  
Бремен, Новгород, Канзас.  
Гудвин добрый, не откажет –  
Здесь своё получит каждый –  
Он-то знает, что однажды

Снова соберёт всех нас.  
Больше нам не будет домом  
Наш Канзас, где всё знакомо,  
Новгород вдруг тесен станет.  
Позовёт заветный край.  
Ад, наш милый ад... Не надо,  
Гудвин, нам твоей награды.  
Мы служить задаром рады,  
Ну и пусть во имя ада  
Надо вечно строить рай.

\*\*\*

Берегите тех, кто ноги не бережёт,  
Кто выходит тёмной ночью на бережок,  
Кто глядит на тонкий полупрозрачный лёд,  
И туда идёт.  
Берегите тех, кто, двигаясь невпопад,  
Повторяет: «Господи, знаю, что виноват.  
Ничего там нет, я вижу, – одна вода.  
Только кто-то должен идти туда.  
Кто-то должен быть глупей и наивней всех.  
Я не знаю, Господи, может быть, это грех.  
Ты от этой участи в целом нас оградил.  
Но ведь Ты ходил».  
Он почти спокоен, знает, что сам дурак,  
Он насквозь проходит этот холодный мрак,

Достигает то ли берега, то ли дна,  
Только суть одна.  
Берегите тех, кому тяжело в пути,  
Кто проходит всё, чтобы вам не пришлось пройти.

## ИМЯ

Снежаны и Анжелики растят Дуняш,  
Василисы воспитывают Лолит.  
Потому что, то имя, которое ты ей дашь,  
Сразу всё и определит:  
Кто ей будет в первом классе носить рюкзак,  
С кем она прогуливать будет десятый класс.  
Потому что имя – это секретный знак,  
Не для всяких глаз.  
У неё теперь всё будет совсем не так,  
Как бывало здесь до этого сотни лет.  
Обойдёт её стороной подлец, обойдёт дурак,  
Не посмотрит вслед.  
В этот раз всё точно выйдет. Как ни крути,  
Год за годом не повторяют пустой обряд.  
Дейенерис спит у Ксении на груди.  
А соседи пусть что хотят, то и говорят.

\*\*\*

Ты молодец, а я не молодец.  
Забудь про эту рифму наконец.

Подумаешь, обычное фиаско.  
У вас, конечно, победит добро.  
А нам что делать? Что нам делать, бро,  
когда к концу подходит наша сказка?  
Вы дождались заслуженных наград:  
Принцессе – свадьба, воинам – парад.  
И только нам пора вернуться в ад.  
Такая вот нелепая развязка.  
Ты мимими, а я не мимими,  
Но ты меня, наверно, обними,  
Когда нас поведут прощаться строем.  
Я верю: тот, кто видел без прикрас  
Все эти сказки, в следующий раз  
В них выйдет положительным героем.

\*\*\*

Хорошо быть эльфом, гоблином или орком –  
Знай скачи себе по лугам или подземельям.  
А от этой фигни не скрыться в уютной норке.  
От неё нигде не скрыться на самом деле.  
Хорошо быть гидрой, троллем, единорогом –  
Всё легко и просто: жабры, клыки, рога.  
А этой фигни во веки веков не трогай,  
Если жизнь тебе дорога.  
Хорошо быть гномом, хоббитом, василиском –  
Ясен жизни смысл. Только разве же дело в том,



Когда эта фигня бесшумно подходит близко,  
Спрашивает: «Что потом?»  
И пока ты стоишь столбом в изумленье неком,  
И пока головой качает розовый иван-чай,  
Прижимается, шепчет: «Хочешь быть человеком?»  
Не отвечай ей! Слышишь? Не отвечай.

\*\*\*

На десятой неделе он потеряет хвост.  
Без хвоста на свете прожить далеко не просто,  
Непрерывный прогресс, постоянный духовный рост,  
Соответствие прочим ГОСТам.  
Путь назад отрезан. Не плыть в тишине морской,  
Не выползать на песок, прижимая жабры.  
Он ещё приедет на море смотреть с тоской.  
А потом продолжит жить на безрыбье храбро.  
Он получит всё, чего на земле достичь  
Может только тот, у кого отказали нервы.  
Тридцать лет назад с ним случилась такая дичь,  
Что теперь он вынужден быть в этом мире первым.  
Он плывёт сквозь город – плавные виражи,  
Он кружит в пространстве, челюсти обнажая.  
Если жить захочешь, научишься жрать чужих.  
А чужие – все, потому что земля – чужая.

\*\*\*

Осознавший, что жизнь короче  
Суммы прожитых разом лет,  
Когда ты умереть захочешь,  
То увидишь, что смерти нет.  
Что с открытием этим делать,  
Если замерло всё в груди?  
Положи аккуратно тело.  
И иди.

## ВВЕРХ

Теперь всё время приходится быть высоко:  
Ходить на каблуках, распрямив плечи.  
А раньше, помню, было совсем легко  
Высыпать на пол цветные карандаши, лечь  
И весь вечер рисовать разных смешных кошек,  
Разглядывать мир почти что из-под дивана,  
Устраивать себе домик (ну понарошку,  
Такой... Из подушек). Сейчас это было бы очень странно.  
Сейчас нужно знать английский и улыбаться  
Всем, кому хочется строить глупые рожи,  
А вдруг эти люди тебе пригодятся?  
И эта, с кислым лицом, пригодится тоже.  
Только когда ты лежишь на ковре в детской,  
А над тобой проплывают разные тени,  
Можно почувствовать, остро и очень резко:  
Это взрослые придумывают привидений,

Сочиняют всякие сложные игры,  
Потом, совсем как девчонки, плачут,  
А на самом деле есть только эти тигры,  
Нарисованные на обоях, и в небе такой жёлтый мячик,  
А все их дразнилки, считалки, водилки – ничего не значат,  
Совсем ничего не значат.

## ДЕТИ

Больше всех детей не любят дети –  
Истина избитая, олдскул.  
Их существование на свете  
Навевает на меня тоску.  
Всяких в ползунках и джинсах драных  
Развелось внезапно пруд пруди.  
Это мне пока ещё всё рано!  
Это у меня всё впереди!  
Я ещё не думала взрослеть и  
Вовсе не могла предположить,  
Что умру, а эти... Эти... Эти  
После моей смерти будут жить.

## МУЛЬТИКИ

Смотри, малыш бежит в апрель —  
Зарёванный – кина не будет.  
Ни Дональд Дак, ни Ариэль,

Ни дятел Вуди  
Сегодня в гости не придут.  
Ни Том, ни Джерри.  
А он сидел в седьмом ряду,  
Он всем им верил.  
И ненадорванный билет  
Сжимал упрямо.  
Какие мультики в шесть лет?  
Сплошные драмы!  
И всё бы, может, ничего,  
Но на ладони  
Лежит билет, и он его  
Сейчас уронит,  
И понесётся из ДК  
Вдоль по аллее.  
И будет убежать, пока  
Не повзрослеет.

\*\*\*

Есть люди, есть звери, есть рыбы, есть птицы.  
Есть те, кто внутри и те, кто снаружи.  
Ты можешь подписывать сотни петиций,  
Но Ноев ковчег чересчур перегружен.  
Есть небо, есть солнце, есть море, есть ветер,  
Но ты – существо безнадёжно земное.  
Задача твоя – дотерпеть до бессмертья,

Не слишком страдая и ноя.  
Оставь их в покое, они разберутся.  
Они разбредутся, огнём полыхая,  
Глотая друг друга без всяких коррупций,  
(Что, в общем, идея не слишком плохая).  
Спасать их из пасти, пасти их – по счастью,  
Совсем не твоё человеческое дело.  
А дело твоё – осознать себя частью  
Того, что из бездны в тебя поглядело.  
Насквозь прорасти эту пропасть, суметь и  
Пропасть, и опять появиться. Узнаем  
Потом – за кого ты остался в ответе,  
И можешь ли ты раздавать имена им.

\*\*\*

Отвяжись от ближнего своего.  
Ты не знаешь этого и того,  
Без тебя, красивого, у него  
Дел навалом.  
У него работы невпроворот,  
От него супруга уйдёт вот-вот,  
Он опять проехал свой поворот.  
Но кого б это волновало.  
У него от злости свело живот,  
Он среди таких сволочей живёт.  
Чтоб не стать случайно таким же вот,

Ты его не трогай.

Когда ты увидишь, что он не прав,  
Всю свою правоту в кулаке собрав,  
Зубы сжав, подбородок и нос задрав,  
Отправляйся своей дорогой.

## ПОСЛЕ

После каждой войны говорят, что войны не будет,  
Что теперь-то уж точно не будет войны совсем.  
Улыбаются сверху грустно седые судьи:  
Ну конечно, не будет, лет пять. Или даже семь.  
Нет! Мы всё осознали! Мы же друг другу люди!  
Как прекрасен мир... Сколько солнца в нём и котят!  
А войну оставим этим из киностудий,  
Пусть с ней делают что хотят.  
А они хотят.  
Ведь война восхитительна: красочно, громко, ярко!  
Ведь подарка зрителям лучшего не найдёшь.  
И они подготовят побольше таких подарков.  
Ну а мы подготовим свежую молодёжь.

\*\*\*

В битве добра с добром победила битва.  
Бродят среди убитых адепты зла,  
Шепчут свои неправильные молитвы  
(Правильная кого-нибудь бы спасла).

Как им теперь прожить без чужих советов?  
Кто им заглянет в паспорт или кровать?  
В поле растёт трава, прорастая к свету,  
И никому не хочется воевать.

\* \* \*

И дождь пройдёт, и снег пройдёт, и ночь,  
и головная боль пройдёт, и время  
пройдёт тихонько между нами всеми.  
И выйдет прочь.

\*\*\*

Я – тварь, имеющая право,  
Ты – тварь, идущая налево.  
Мы встретимся у переправы,  
Ругая времена и нравы,  
Типичные Адам и Ева  
Средневекового разлива  
И среднерусской полосы.  
Но я достойна быть счастливой.  
И ты не ссы.  
Нас провожают крики «Браво!»  
И шёпот «Вот же дураки»,  
Мы застываем у кровавой  
И полыхающей реки.  
Калинов мост сожжён не нами.

Как ни крути,  
Бои окончены. Лишь пламя  
В конце пути.  
Предупреждения Минздрава  
Отбрасывая на ходу,  
Я – тварь, имеющая право,  
Я первая туда войду.  
От осуждения и гнева  
Толпы сбегая в мир иной,  
Ты, тварь, идущая налево,  
Пойдёшь за мной.  
Всё дело в правильном настрое —  
Пора забыть,  
Что это было лишь игрою.  
Мы – настоящие герои.  
Когда нас с головой накроет,  
Мир станет лучше, может быть.

\*\*\*

У девочки из будущего нет  
Ни имени, ни голоса, ни слуха.  
Она приходит к детям как старуха.  
Пусть дети её старше на сто лет.  
Кромешный космос, мерный белый шум,  
Безжалостная чуждая наука...  
Что будет, если я сейчас решу,



Что у меня совсем не будет внуков?  
Вот только бы их страшный хохот стих,  
Гуляющий в аллеях зоосада,  
Пускай услышит хоть один из них,  
Когда я попрошу их всех: «Не надо!»  
Напишем повесть, выпустим кино,  
В честь вас запустим трассу Пермь – Юпитер.  
Всё, что хотите. Но взамен одно:  
Не приходите к нам, не приходите.

## СТРАНЫ

Многих стран на самом деле не существует,  
Их придумали авторы толстых энциклопедий,  
Путеводителей, «Сказок народов мира»,  
Сочинили и дурят доверчивых иностранцев.  
Вот Полина, с детства мечтавшая о Париже  
(Нотр-Дам, круассаны, кофе, велосипеды).  
Вот Андрей, который однажды уедет в Мюнхен  
(Средневековый город, порядок, пиво).  
Вот Санёк, уверенный: есть на земле свобода,  
До неё лететь и плыть сорок лет не жалко.  
И он будет лететь и плыть,  
А потом, под старость, всё поймёт  
И сдаст билет на круизный лайнер.  
И пока Полина стоит посреди Монмартра,  
Окруженная француженками в хиджабах,

И пока Андрей рассудительно валит на фиг,  
Как ему посоветовал бравый баварский гопник,  
Александр Петрович, кряхтя объясняет внукам:  
«Есть земля, по которой вечно ковбои скачут,  
Есть земля, что достойным дарит свои богатства,  
Там танцуют твист молодые миллионеры  
И газетчик Джим становится президентом.  
Нужно верить, дети. Чужая земля прекрасна.  
И не дай вам бог однажды там оказаться».

\*\*\*

Фейсбук всё видит, но не говорит,  
Подкидывая походя рекламу:  
Критические дни? Махни на Крит!  
Сегодня в хлам? Пора расстаться с хламом!  
Поверить бы ему, купить билет,  
Со всей этой фигнёй простившись разом.  
Но он же спросит через пару лет  
«О чём ты только думала, зараза?  
Где фоточки, где лайки? Отвечай,  
Что нового в твоей дурацкой жизни?»  
И всё это как будто невзначай,  
Но всё-таки склоняясь к укоризне.  
Ему плевать, что ты, мол, устаёшь  
И вообще не любишь мемуары.  
Пиши, чтобы казалось, ты живёшь

Не сдуру, а быть может, и недаром.

Ведь ты же знаешь: тех, кто не ответит,  
На самом деле нет на белом свете.

\*\*\*

Дима, это Серёжа, он меня любит.  
Мне двадцать восемь, я ни во что не верю.  
Эта его любовь мне ваще не впёрлась.  
Я – завотделом и у меня проекты,  
Переговоры, встречи, командировки.  
Даже не помню, что там с ним было дальше.  
Дима, это Андрей. И он, в общем, тоже.  
Нам двадцать два, мы прекраснее всех на свете.  
Скоро мы купим студию в Подмоскowie  
И заведём смешную собаку корги.  
Первого сына мы назовём Кириллом.  
Я научусь готовить. (Не получилось).  
Это Кирилл. И вот здесь всё реально сложно.  
Близится выпускной. Институты эти.  
Он раздобыл гитару, и мне играет,  
Чтобы я не боялась и не ревела.  
Я не боюсь. Но реву – так оно спокойней.  
Мы никогда не расстанемся. Это ясно.  
Это Артур. Понимаешь ли, он отличник.  
Он помогает мне не решать задачки.

«Лучше читай, – говорит, – мне совсем не сложно».  
Это слегка обидно, но я читаю.  
Мама его потом увезла в Канаду.  
И Интернета не было никакого.  
Дима, смотри, это Коля, он – самый лучший.  
Он мне выносит киндеры и конфеты.  
Санки зимой даёт. А однажды летом  
Поцеловал в подъезде. Щекотно было.  
Дима, не смейся, всё это ужасно важно.  
Если сейчас я сижу и ногой болтаю,  
Жарю омлет, стихи сочиняю, плачу,  
Бросила ту работу, нашла другую,  
Просто дышу – это, в общем-то, их заслуга.  
Дима, скажи им спасибо, они старались.

\* \* \*

А вот теперь иди и делай вид,  
Что он ползет за тобой в Аид,  
Что от стыда за это всё сгорая,  
Он за тобой последует из Рая  
В какой-нибудь забытый богом край,  
В котором хошь живи, хошь умирай,  
Никто особо даже не заметит.  
Всё оттого, что вы уже не дети,  
А падшие созданья, потому  
Давно не интересны никому.

Иди и повторяй вот это всё,  
Что он тебя отыщет и спасёт,  
Что он теперь с тобой до гроба рядом.  
А то, что знаешь ты, нам знать не надо —  
Что он вздохнул, сказал: «Какая жесьть»  
И там остался – яблоко доесть.

\*\*\*

Алевтина Сергевна втягивает живот,  
Надувает губы, плавно плечом поводит.  
Алевтина Сергевна взрослая баба вроде,  
А туда же вот.  
Пал Андреичу наплевать на живот с плечом,  
Он не любит, когда они красят и дуют губы.  
Он не любит сук, а стареющие суккубы  
Пал Андреичу точно уж нипочём.  
(Катерина приносит счёт и, забрав бокал,  
Замирает у барной стойки с туманным взглядом.  
Как он смотрит, как говорит, как ладонь ей сжал...  
Как легко с ним рядом).  
На изящных шпильках весело семеня,  
Алевтина Сергевна думает, чуть не плача:  
«Ну и пусть не любит! Квартира, машина, дача...  
А любовь ничего не значит! Любовь – с меня».  
Пал Андреич везёт её на Охотный Ряд,  
Так и так вращая в башке надоевший довод:

«Без того на службе всякое говорят,

Так хоть будет повод».

Ни к чему вспоминать это всё через столько лет.

Дочь вчера родила. Скоро женим второго сына.

Алевтина Сергевна ставит на стол омлет,

Втягивает живот, выпрямляет спину.

\* \* \*

Подумаешь, чудо. Не отвлекайся от дел,

Не подходи, не рассматривай всё вблизи.

Когда ты видишь, как я хожу по воде,

Тебе не нужно знать, что она скользит.

## МАРИНА

Хорошо быть древней дрянью,

Тварью с кожей ледяной,

С жутким огненным дыханьем,

Не любимой, не родной,

Вовсе никому не нужной,

Есть сырых людей на ужин,

Ужас наводит и страх

И иметь гнездо в горах.

Чуть сложнее быть Мариной

С тёплой кожей и душой

(для системы эндокринной

Это минус, и большой).

Плюс Марина виновата  
В том, чего не знает тварь:  
В том, что люди сыроваты,  
В том, что на дворе январь,  
В том, что холодно и жарко,  
В том, что Дима не женат.  
Эволюция насмарку,  
А Марину – сразу в ад.

\*\*\*

Знаешь, сколько я стою? Тебе и не снилось столько.  
Но никто не даёт за меня этих сраных денег.  
Только ночью придёт волчок уволочь из койки.  
Но не каждую ночь. С воскресенья на понедельник.  
А потом просыпаешься в волчьем логове ночью,  
Говоришь: «Прости, Серега, мне на работу».  
А сама между прочим идти никуда не хочешь.  
Но и с ним в лесу сидеть неохота что-то.  
А потом продираешься через овраг с крапивой,  
Повторяя как заклинанье; «Ещё раз чтобы!»  
Волки хлещут в кустах малины дрянное пиво.  
Вот и вся любовь – ни до лампочки, ни до гроба.  
Знаешь, сколько мне стоит вот эта вот безнадёга?  
То ли жизни, то ли и вовсе – второго лета.  
Не расплатишься, в смысле. Не подходи, не трогай.  
Вот придёт волчок и утащит за мною следом.

\*\*\*

Да что ты понимаешь в пустоте,  
Которая с тобою постоянно,  
Когда у всех на стыке душ и тел  
Такие же зияющие раны?  
Туда бросают кто чего достал.  
Любовницы, айфоны, ипотеки –  
Мы бесконечно повторяем некий  
Таинственный и древний ритуал.  
Но что ты понимаешь в пустоте,  
Считающий её своим изъяном?  
Как хорошо живётся обезьянам!  
И ты бы обезьяной быть хотел.  
Но вопреки бессмысленным мечтам  
Внутри тебя лежит открытый космос.  
Ты смотришь недоверчиво и косо,  
И я в который раз сгораю там.

## ПРЯТКИ

Психотерапевт идёт вздыхая,  
Видит только краешек асфальта.  
Вроде бы неделя неплохая,  
Просто поддувает из гештальта.  
Так-то он открытый, проактивный,  
Вскормленный любовью безусловной.



(До чего же это всё противно.  
Этим все болеют поголовно).  
Мерчендайзер бегает по кругу,  
Расставляет банки и бутылки.  
Только почему-то сводит руку  
И жужжит тупая боль в затылке.  
Так-то по диплому он филолог,  
И внутри филолог, и снаружи.  
Он читает Блока между полок,  
Понимая, что могло быть хуже.  
Старший маркетолог громко плачет.  
У него причины вовсе нету.  
В это нужно верить, а иначе...  
Это просто тьма перед рассветом.  
Так-то всё в порядке, всё в порядке!  
Мимо жизнь на цыпочках проходит.  
Это мы. Мы с ней играем в прятки  
И пока выигрываем вроде.

## ДРУЖБА

У Таньки подросток-сын и всё время сумки,  
У Аньки – карьера в банке и ипотека.  
Когда я встречаюсь с ними на остановке,  
То делаю вид, что совсем не училась в школе.  
10-го «Б» никогда не случилось с нами,  
Никто не прогуливал химию с физкультурой.

Знакомые лица – мало ли их бывает?  
И Танька глаза отводит, и Анька смотрит  
В экран смартфона с утроенным интересом.  
Как хорошо, что мы не такие дуры,  
Чтобы кричать друг-другу: «А помнишь, помнишь?»  
Всё, что я знаю про банки и ипотеки,  
Всё, что я знаю про подростковый возраст,  
Я прочитала Вконтакте. Мы типа дружим.  
Не удалять же. Там ничего. Там можно.

\*\*\*

Теперь, когда вход в Нижний мир стал доступен всем,  
Мы больше не соблюдаем простейших правил.  
Дряхлый паромщик курит на переправе.  
Плот отплывает вечером, ровно в семь.  
Можно не ждать и отправиться самому,  
Нет никаких запретов, пути открыты.  
И ни к чему это латаное корыто,  
Если всё делать чётко и по уму.  
Речка у переправы не широка.  
Тёмные воды примут тебя радушно.  
После придётся встать под горячий душ, но  
Будешь там раньше старого дурака.  
Можно и вовсе ноги не замочив,  
Дело решить. Достаточно лишь монеты.  
То, что вы здесь называете Интернетом,

Раньше иначе звал равнодушный миф.  
Способ неважен, главное – выйти прочь.  
Там тебя кто-то встретит под крики чаек.  
Только паромщик за это не отвечает,  
И он ничем не сможет тебе помочь.

\*\*\*

Рептилоид Егорыч хмуро глядит туда,  
Где рассветная полоса разрезает тучи.  
Не прилетят. Ни совести, ни стыда.  
Оставляет окно открытым на всякий случай.  
Говорили, мол, спецзадание, мол, хотят  
К госнаграде представить. И не краснели, гады.  
Собираться на службу нужно. Не прилетят.  
Ну и хрен бы с ними, тварями, и не надо.  
Шифрограммы не принимают пятнадцать лет.  
Объяснили, что опасаются перехвата.  
Подстаканник вздрагивает на столе.  
В темноте кулак отливает зеленоватым.  
Тут и сам-то где ложь, где правда не разберёшь.  
Он со дна кастрюли сдирает остатки каши.  
РЕН ТВ талдычит, мы выиграли. А то ж.  
Заливают не хуже наших.

\*\*\*

Под городом был зарыт трёхголовый ящер,

Вкруг города был закопан гигантский змей.  
Раньше такое делать случалось чаще.  
А по-другому город построй сумей.  
Крепость надёжней держится, если хрупкий  
Девичий замурован в стене скелет.  
Были князья, способные на поступки,  
Вот и стоит наш город без счёту лет.  
Бегают малышня вдоль дороги скопом,  
Грозно ревёт, дымит молодой завод.  
Где-то у главных ворот паренёк закопан,  
Оберегает их от грунтовых вод.  
Что ты воротишь нос: «негуманно», «дико»?  
Думать об этом не хочешь, ну так забудь.  
Ты сюда ехал – разве не слышал криков  
Тех, кто тебе прокладывал этот путь?  
Всё – от дорог железных (тут не до шутки),  
До интернетов ваших – стоит на том,  
Что ты сейчас назвал пережитком жутким,  
Вспомнишь ещё об этом, поймёшь потом.  
Жертвы приносят равно Земле и Небу,  
Принят подарок – радуйся до поры.  
Жалко собачек было, но только где бы  
Нам удалось другие найти дары?  
Космос огромный, холодно в нём, сыночек.  
Примет собачку, может, не тронет нас...  
Кто бы нас спас от этой бескрайней ночи?

Мы бы его послушали в этот раз.

ОНИ

За нашим чёрным лесом их белый город.  
Ничего страшнее ты не увидишь. Что ж,  
Не спасут клыки и когти, не скроют норы.  
Все туда уходят. Скоро и ты уйдёшь.  
Над нашим синим морем их алый парус.  
Их босые дети смеются на берегу.  
Мне не снять сетей, но я всё-таки постараюсь  
И хотя бы эту ненависть сберегу.  
Не ходите, дети, в лес, не ныряйте в море.  
Только разве же объяснишь беспокойным им?  
Я тяну к ним руки в каждой из их историй.  
Я хватаю их, и выталкиваю к своим.

\*\*\*

Машу не взяли в ведьмы, мол, не готова.  
Опыта никакого, людей жалеет.  
Будет срывать нам сроки и планы рушить,  
Душу ещё заведёт (у таких бывает).  
Маша молчит, пытаюсь проклясть эйчара,  
Губы дрожат, заклинание не приходит.  
Звон в голове, а на сердце – такая радость!  
Вроде с чего бы радоваться? Но всё же  
Машу не взяли в ведьмы. А это значит,

Можно пойти в какие-нибудь русалки,  
Или попробовать стать настоящей феей,  
Или открыть ИП по доставке чуда.  
Мало ли в мире найдётся ещё занятий  
Для настоящей Маши, не ставшей ведьмой!

\*\*\*

Мы росли, словно трава возле забора,  
Выросли и – вот – свернули горы,  
Русла рек поворотили вспять,  
После нас уж мира не узнать.  
После нас – потоп или цунами,  
Это всё задумывалось нами –  
В мире оставляли мы свой след.  
След остался, только мира нет.

\*\*\*

Не отличаться от этих существ ни в чём:  
Мимика, телосложение, походка, имя,  
Встать незаметно с ними к плечу плечом —  
Этого дара никто у нас не отнимет.  
Птицы сбиваются в стаи и даже пчёл  
Тянет в единый рой, нам не чуждо то же.  
Главное, чтобы никто из чужих не счёл,  
Что мы не те, на кого чересчур похожи.  
Всё отработано чётко. Который год

Мы изучаем нравы их и повадки.  
Мать обернётся – скрипнула дверь – и вот —  
Сонный подмышш ползает по кровати.  
Так же зевает и так же всё тянет в рот,  
Так же растёт и шагает с цветами в школу,  
Так же от армии бегают, как задрот,  
В танчики так же рубится полуголый.  
Тысячелетья мы приближались к ним.  
И не с такими союза захочешь, если  
Страшно на белом свете совсем одним.  
Как же случилось так, что они исчезли?  
Наши приходят к нам и живут среди нас,  
Тем же темнейшим инстинктом ведомы – стадным.  
Может быть, так и было. Но мы сейчас  
Просто не будем думать об этом, ладно?

\*\*\*

Поднимается золотистое марево из-за леса,  
Из него выходят звери и держат речь –  
Семикрылый лось утверждает, что всё от стресса,  
Кистепёрый волк убеждает, что нужно себя беречь.  
Далеко в глуши трети сутки поёт жар-птица,  
Из соседних сёл дошколята уходят в лес.  
Если это всё ещё хоть полдня продлится,  
К нам начнут проявлять повышенный интерес.  
Голубым свеченьем окружены экраны,

Из глубин Сети доносится трубный глас:

«В "Одноклассниках" пишут, у вас там всё как-то стран-

но,

Мы, пожалуй, приедем снимем сюжет о вас».

Кистепёрый волк молчит, головой качая,

Беспокойно копытом бьёт семикрылый лось.

Мы хотели собраться выпить, к примеру, чая...

Ничего не скажешь, в общем-то удалось.

Так, в связи с большим количеством нареканий

И в попытках хоть кому-нибудь угодить,

На Всемирном шаманском съезде в Тьмутаракани

Постановлено больше съездов не проводить.

## КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Море бескрайне, нету в нём ни души,

Плавает рыба-тоска у него в глуши,

Плавает рыба-тоска, рассекая мрак.

Кто эту рыбу выловит, тот дурак.

Бродит рыбак по берегу день и ночь,

Хочет поймать он рыбу и ей помочь.

Честный рыбак не бросит улов в беде –

Вытащит, рассмешит и вернёт воде.

Он не боится рыбьей тоски её,

Рыба-отвага здорово здесь клюёт.

Нынче не вышло – завтра продолжит он.

Тихо со дна поднимается рыба-сон.



## КОСМОС

А вот теперь живи как хочешь.  
Как можешь, так вот и живи.  
Как остальные все, короче –  
Без всяких сказок о любви.  
Как в космосе, в своей свободе  
Болтайся сгустком пустоты  
И знай: во всем, что происходит  
И виноват, и прав был ты.  
Не вышло из тебя ни бога,  
Ни человека. И сквозь мрак  
Твой космос, вглядываясь строго,  
Не разглядит тебя никак.

\*\*\*

Они рожают детей и выходят в космос,  
А ты домой возвращаешься после школы.  
Недавно взяла и зачем-то обрезала косы,  
Бросила фотокружок и секцию баскетбола –  
Времени мало, жалко вот так тратить.  
Жизнь впереди – радостная, большая.  
Ты идёшь и вспоминаешь платье,  
Которое на выпускной сама себе обещала.  
Ты идёшь и отражаешься в лужах,  
И фонари освещают твою дорогу.

Для настоящего счастья так мало нужно.  
Но тебе пока ещё хочется очень много.  
...Они возглавляют списки и комитеты,  
Они запрещают к импорту кока-колу,  
И ты почти тридцать лет наблюдая картину эту,  
Всё никак не можешь вернуться домой из школы.

\*\*\*

«Здравствуйте, Анна. Пишет Вам Мироздание.  
К нам обращения сыплются отовсюду:  
Просят советов, знаков и указаний,  
Требуют помощи и ожидают чуда.  
Просьбы приходят устные и в конверте,  
Бланки и формуляры, обрывки писем,  
Записи диктофонные (уж поверьте),  
Эти бумажки жжёные (вот сдались им!).  
Мы отвечаем всем. Это очень важно.  
Женщинам в возрасте, юношам мускулистым.  
Тут на неделе кораблик пришёл бумажный –  
Мы приглашали стороннего специалиста.  
Блеклые распечатки на оборотке,  
Жалобы, петиции, обещания...  
Но и у нас бывают недоработки.  
Так, на последнем пятничном совещании  
Выяснились внезапно такие факты,  
Даже сказать неловко, так это странно...

Мы за работой не замечали как-то:  
Вы нам ни разу не написали, Анна.  
Всё ли у вас в порядке? Мы ждём ответа.  
Может быть, что-то нужно? Пишите! Либо  
Просто скажите вслух. Мы услышим это».  
Анна кладёт письмо, говорит: «Спасибо».

\*\*\*

Я – человек, стоящий за правым твоим плечом  
В чёрном костюме с прорезями под крылья.  
Я могу быть юристом, секретарём, врачом,  
Я направляю твои самолёты и автомобили,  
Я покупаю бабам твоим цветы,  
Я выбираю туры и рестораны.  
Работа моя заключается в том, чтобы ты  
Никогда не подумал, что всё это как-то странно.  
Чтобы ты был спокоен, ступая на гладь воды,  
Чтобы сами собой открывались внезапно двери.  
Короче, работа моя заключается в том, чтобы ты  
Никогда-никогда ни за что бы в меня не поверил.

\*\*\*

И увезти ребёнка жить туда,  
Где яблоки стучат по старой крыше,  
Где колется холодная вода,  
Когда в неё заходишь. Пусть подышит.

Хоть он подышит воздухом живым,  
Без привкуса бетона и бензина.  
Родить ребёнка, положить в корзину  
На мягкую подстилку из травы,  
И аккуратно в воду опустить,  
И всё смотреть, пока та будет плыть.  
Умыться, сесть, взглянуть в глаза врачу  
И повторить чуть слышно: «Не хочу».

\*\*\*

Вот я воспринимаю человека,  
как комплекс специфических неврозов,  
и навыков с неврозами справляться,  
и прочей бесполезной ерунды.  
А человек меня воспринимает,  
как женщину за тридцать, безнадёжно  
проспавшую любовь, деторожденье,  
и прочее варение борщей.  
Он смотрит на меня и сожалеет,  
что мне ничем помочь уже не может.  
Я на него смотрю и сожалею  
о том же, но естественно молчу.  
Зачем нам непростое выяснение  
таких простых по сути отношений?  
Ведь главное не в том, что мы неправы,  
а в том, что мы друг друга бережём.

\*\*\*

В детском лагере для взрослых никакого распорядка — хочешь, ешь варенье ночью, хочешь, пиво пей с утра, заведи двенадцать кошек, в Дед Мороза верь украдкой, прыгай в полдень через речку и кричи "Гип-гип-ура!" Хочешь, выучи английский, стань начальником отдела, а потом уйди с работы и иди смотреть кино. Ничего тебе не скажут, что бы ты теперь ни сделал. Потому что всем на свете абсолютно всё равно.

\*\*\*

Когда нас всех забанили в офлайне (а я предупреждала, что так будет), мы плакали и спорили: как скоро нас выпустят обратно из Сети? Мы собирались стать чуть-чуть смелее, и жизнь чуть-чуть сильнее ценить хотели. Мы собирались где-нибудь в фейсбуке, и говорили только об одном. Как жаль, что мы не видели друг друга, и рук друг другу так и не пожали. Как жаль, что нас давно не существует. А после отключили Интернет.

\*\*\*

Дети Дикого ангела выросли и устали.  
Невозможно в этой вашей Электростали  
Жить в надежде на чудеса.  
Никакого тебе Родриго или Рикардо,  
На стене покрылась пылью цветная карта,  
За окном всё та же серая полоса.  
Мы читали и Леви-Брюля, и Леви-Стросса,  
Мы считали, что очень важно не вешать носа,  
А моя подруга однажды влюбилась в босса,  
И потом вспоминала это пятнадцать лет.  
Что теперь поделывать, если иного чуда  
Не достанешь здесь, наверное, ниоткуда.  
На тебя взирает город, пустой, как Будда,  
Непонятно, где аутлет, а где туалет.  
Только я-то точно знаю, что чудо было.  
Я его забыть хотела бы – не забыла.  
Ну и пусть его считают унылым мылом,  
Я к нему бежала вечером через двор.  
Я влетала в комнату, падала у экрана.  
Вот сейчас об этом вспомнишь, и как-то странно...  
Ведь там было всё, что было нам слишком рано.  
Всё, что рано нам до сих пор.